ЕЛЕНА ПЕРВУШИНА

ТАЙНЫЙ КНИЖНЫЙ КЛУБ, ИЛИ ЕЕ СОБСТВЕННОЕ ЧУДО

Часть сборника: Русская фантастика – 2018. Том 2 (сборник)

Елена Первушина

Тайный книжный клуб, или Ее собственное чудо

«Эксмо»

2018

Первушина Е. В.

Тайный книжный клуб, или Ее собственное чудо /
Е. В. Первушина — «Эксмо», 2018

«Юля проснулась и, не открывая глаз, протянула руку под подушку и нащупала там маленький плотный томик. Ну наконец-то! Теперь пора вставать. Серенький тусклый свет, еще совсем слабый, просочившийся через плотную пелену низких облаков, казалось, устало и с неохотой пробивался сквозь тонкие шторы. Юля поспешно отдернула их, чтобы в комнате стало хотя бы немного светлее, поежилась от утреннего холода и взглянула на часы. Без двадцати семь. Муж в командировке, сына будить через пятьдесят минут, значит, у нее есть время, чтобы немного почитать. Вот и отлично. Она зажгла лампу и вытащила книжку из-под подушки. Август Спарк. «В плену любви». Да, точно. На картинке невыносимо прекрасная девушка в белом платье и чепчике, из-под которого выбивались каштановые пряди, таяла в объятиях невыносимо мужественного юноши с волевым подбородком и отменно широкими плечами. Юля счастливо улыбнулась нежной парочке и погрузилась в чтение…»

© Первушина Е. В., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Юля 5
Густав 12
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Елена Первушина
Тайный книжный клуб, или Ее собственное чудо

Юля

Юля проснулась и, не открывая глаз, протянула руку под подушку и нащупала там маленький плотный томик. Ну наконец-то! Теперь пора вставать. Серенький тусклый свет, еще совсем слабый, просочившийся через плотную пелену низких облаков, казалось, устало и с неохотой пробивался сквозь тонкие шторы. Юля поспешно отдернула их, чтобы в комнате стало хотя бы немного светлее, поежилась от утреннего холода и взглянула на часы. Без двадцати семь. Муж в командировке, сына будить через пятьдесят минут, значит, у нее есть время, чтобы немного почитать. Вот и отлично. Она зажгла лампу и вытащила книжку из-под подушки. Август Спарк. «В плену любви». Да, точно. На картинке невыносимо прекрасная девушка в белом платье и чепчике, из-под которого выбивались каштановые пряди, таяла в объятиях невыносимо мужественного юноши с волевым подбородком и отменно широкими плечами. Юля счастливо улыбнулась нежной парочке и погрузилась в чтение.

Если бы ее мужа вдруг заинтересовало, где она взяла книгу, Юля не моргнув глазом соврала бы, что купила ее в газетном киоске рядом с универсамом. Там действительно стоял на полке целый ряд подобных томиков в разноцветных обложках. Вот только если бы Костя проявил любопытство и попросил бы у продавщицы-пенсионерки найти для него еще одну книжку Августа Спарка, та удивленно пожала бы плечами: книг этого писателя к ним никогда не привозили. Любовные романы, как правило, были подписаны женскими псевдонимами, независимо от реального пола автора. Лиза Клейпас, Джуж Деверо, Бертрис Смолл, Виктория Холт или Барбара Картленд – пожалуйста, но никаких мужчин.

Не нашел бы Костя книги Августа Спарка ни в одном каталоге розничной торговли, ни на одной книжной ярмарке, ни даже во всезнающем Интернете. Август Спарк был личным писателем Юли. Даже больше: до того, как Юля захотела прочесть первую его книгу, такого человека не существовало. Она его придумала.

Случилось это около пяти лет назад. А сама история закрутилась давным-давно, в конце восьмидесятых, когда Юля еще училась в институте. Времена были смутные и голодные, полки в продуктовых украшали пирамидки из банок морской капусты и хрена, за яйцами приходилось выстаивать очереди, а водку, чай, масло и сахар выдавали по талонам, что вызывало нервные шутки про «Ленинградскую блокаду».

Зато всюду – на улицах, на остановках, в скверах появились прилавки, на которых лежали невиданные книги: детективы в криво приклеенных обложках, приключенческие романы, фантастика в знаменитой «рамке». Были там и совсем новые неизвестные авторы, и хорошие знакомые, которых не чаяли больше увидеть. Юля до сих пор помнит, как мама ушла поискать новые сапоги, а вернулась с томиком «Мастера и Маргариты» и ошалевшими, какими-то пьяными, глазами. «Юлек, – севшим голосом пробормотала она. – Юлек, ты прости, я не смогла… Вышла из метро, а она лежит на прилавке, в пакетике еще, чтобы снегом не засыпало. Я думала, никогда ее не дочитаю… Я ее у подруги читала… к ней домой ходила, ее родители не разрешали брать… А потом мы с подругой поссорились, и я думала, что теперь все. А черт с ними, с этими сапогами, дотянем до весны». До весны старые сапоги и правда дотянули, а потом случилось новое чудо: по всему городу, как грибы, начали вырастать подвальчики с иностранными вывесками «Second Hand», где можно было удивительно дешево купить заграничную одежду,

а мама, кажется, за те же восемьдесят рублей – или всё же за сотню? – приобрела там красивые немецкие сапоги, которым сносу не было, а потом всё жалела: «Эх, Юлька, зачем ты у меня выросла? Какой бы из тебя сейчас кот в сапогах получился!» Юля только фыркала, но пару раз одалживала мамины сапоги, чтобы бегать на свидания. Она уже не помнила всех подробностей того сумасшедшего и веселого времени, когда всё вдруг стало можно и сюрпризы подстерегали на каждом углу, а что голодно – так и голод кончился, как-то в одночасье, правда цены на продукты поднялись, но зато Юля однажды своими глазами увидела в продаже мясо кенгуру. Оно оказалось ужасно жестким, но мама не растерялась и приготовила из него бешбармак, который казахи делают из конины. «Кенгуру же всё время прыгают, поэтому у них мышцы должны быть, как у лошадей», – объясняла она гостям, которых позвала «на кенгурятину».

А книги всё еще стоили дорого: по тридцать, по сорок рублей. Вся стипендия Юли ушла бы на одну книжку, если бы она могла такое себе позволить. Разумеется, она не могла. Мамина зарплата да ее стипендия – вот и всё, на что они жили. Но знать, что книжка ждет тебя, что ты сможешь взять ее и уйти на несколько часов от реальности, почитать, как люди решают проблемы, которые тебя не касаются, – это было прекрасно.

* * *

В тот день, когда Юля стала членом «Тайного книжного клуба», ей исполнилось двадцать лет. Когда-то она очень любила свой день рождения. Если он выпадал на будни, родители всегда брали отгул. Несмотря на то что ее праздник приходился на самый конец февраля, день из года в год выдавался солнечным, и с утра Юля с папой шли в парк кататься с горок и строить снежную бабу, потом заходили на аттракционы, папа в тире всегда выбивал для дочери какую-нибудь мягкую игрушку, а потом они катались на каруселях: Юля держала папу за руку, как будто боялась, а на самом деле воображала себя летчицей, которая видит землю с высоты. Потом они возвращались домой, где мама уже резала салаты, намазывала медовик и ставила в духовку простоявшую ночь в холодильнике курицу, которая наполняла кухню чесночным духом, а приехавшая бабушка, как в сказке, доставала из корзинки пирожки. Собирались Юлины одноклассники, разливали по бокалам «Байкал» – папа всегда шутил: «Темный, как байкальская вода», – с пузырьками – в детстве Юля приговаривала над бокалом: «Наверху шипучки колют язык, а нанизу собираются», – Юле вручали подарки, и начинался праздник.

С перестройкой всё изменилось, хотя валить всю вину на Горбачева было бы слишком. Может быть, именно из-за Горбачева на папином заводе стали задерживать зарплату. Но вряд ли Горбачев виноват, что Юлин папа ушел к другой женщине и стал вместе с ней заниматься «целительством», продавая куски цветной пластмассы в латунных оправах под видом «тайных талисманов сибирских шаманов». Поначалу он рвался встречаться с Юлей, но мама очень расстраивалась, а самой Юле было тошно в его новом доме. Для себя она определяла причину этого как «слишком много выпендрежа»: папа и его новая жена с золотым крестиком на черном свитере и с густо подведенными глазами были какие-то неестественные, кукольные, говорили, растягивая слова, и убеждали Юлю «думать незашоренно», «не становиться мещанкой, как мать», «развивать духовность и тонкие планы». Юля вспоминала маму, променявшую новые сапоги на «Мастера и Маргариту», смотрела на полочки на новой папиной кухне, заставленные поддельной хохломой, и не находила слов, чтобы разговаривать с отцом. Ей хотелось попросить: «Папа, не кривляйся. Пусть она кривляется, если иначе не может, а тебе не надо», но она знала, что папа ее, скорее всего, не поймет, а если и поймет, то обидится. Она говорила, что занята, что ей нужно делать уроки, что у нее болит голова, и тому подобное. Папа обижался, звонил маме, скандалил, обвинял, что она «настраивает дочь против него, потому что хочет, чтобы та выросла бездуховным быдлом», грозился подать в суд. Юля пыталась ему объяснить, что мама тут ни при чем, но только плакала в трубку от бессилия, и в конце концов мама ска-

зала: «Да плюнь ты, Юлек, не разговаривай с ним. Перебесится и отстанет. И ни в какой суд он не подаст – это же нужно задницу от стула оторвать», и Юля стала просто бросать трубку, когда звонил папа. Тот, как и предсказывала мама, «перебесился и отстал».

Тот год, когда Юле исполнилось двадцать и в ее жизни появилось собственное маленькое чудо, начался неудачно. В январе умерла бабушка. Умерла спокойно, достойно, как и жила, просто уснула и не проснулась, оставив полную кастрюлю сваренного борща и кучу замоченного белья, которое так и не успела постирать. На ее похороны ушли все их и без того достаточно скромные сбережения, поэтому мама сказала: «Юль, ты извини, праздновать в этом году не будем. Ты ж понимаешь».

Юля понимала и не возражала. Ей самой не хотелось праздника. Впервые в жизни предстоящий день рождения ее не радовал. Может, виной тому смерть бабушки, может, еще что, но на Юлю словно опустилось тяжелое пепельно-серое покрывало. Раньше ей казалось, что она с каждым годом становится ближе к чудесной взрослой жизни, но теперь она вдруг осознала, что в этой жизни будет мало чудесного. Работа по восемь часов где-то в конторе, потом еще десять часов дома – покупки, стирка, готовка, телевизор по вечерам, шесть часов сна. Выходные, праздники, когда собираешь друзей и вы вместе пытаетесь забыть о работе; семья и дети, огромные усилия для того, чтобы выросла еще одна белка и закрутилась в этом старом как мир колесе. Бабушка пережила войну, и ей всё, что «лучше, чем в блокаду», было хорошо. Мама выросла в СССР, и для нее то, что нет больше запретных тем, что можно покупать любые книги, можно съездить за границу и посмотреть, как там на самом деле люди живут, было счастьем, «а денег на жизнь заработаем, чай, не безрукие». А вот Юля даже не понимала, о чем мечтать: всё казалось серым, безвкусным и бессмысленным.

Тогда она набросилась на книги. Не на маминых вожделенных Булгакова с Солженицыным, а на то, что мама презрительно называла «дамскими романами»: Франсуаза Саган, Дафна дю Морье – это еще «на грани приличия», почти «серьезные писатели», но тайком любимые романы про Анжелику – это уже совсем неприлично. «Какая-то бабушка Эмануэль», как говорила мама, подразумевая популярные в то время порнографические романы и фильмы, в которых жена французского дипломата Эммануэль перетрахала всех и вся, до кого сумела дотянуться, во имя свободы, равенства и братства. Анжелика тоже спала со всем, что не прибито к полу, но Юля ценила ее не за это. В жизни Анжелики случались всяческие страсти-мордасти: ее судили, продавали в рабство, ссылали в Америку, у нее отбирали детей, казнили любимого мужа, который позже оказывался недоказненным, становился пиратом и появлялся в Самый-Последний-Момент, чтобы спасти супругу от очередной опасности. Анжелику хотели все: король Франции, парижский король карманников, все корсары Средиземного моря, вместе взятые, все султаны из всех восточных гаремов. Ее жизнь казалась яркой и наполненной. Разумеется, Юля не хотела, чтобы с ней случилось нечто подобное; кроме того, она подозревала, что вместо паши ей попался бы унылый новый русский в малиновом пиджаке, а вместо пирата – бандит в тренировочных штанах, но в том и прелесть книг, что они позволяют пережить невероятные приключения, ничем не рискуя. И Юля, хоть и соглашалась с мамой, что такие книги не стоят доброго слова, всё же любила Анжелику. В конце концов, как говорили тогда в рекламе: «При всем богатстве выбора другой альтернативы нет» – подобные книги были единственным, что хоть немного поднимало тонус, давало Юле возможность испытывать хоть какие-то яркие эмоции, потому что реальность с этим не справлялась.

День рождения тоже пошел насмарку. Мама оставила для Юли открытку с котятами, на которой написала поздравление, и подарок – белый и удивительно мягкий британский свитер из «секонд-хенда». Юля фыркнула: обещала ведь не тратить денег, и вот не смогла удержаться. На кухне она обнаружила, что мама напекла оладий и, достав земляничное варенье из бабушкиных запасов, нарисовала на верхнем оладушке улыбающуюся мордочку, предвосхитив тем самым появление смайликов, о чем Юля тогда не догадывалась. Но едва она принялась за еще

теплые оладушки, как позвонил отец, поспешно сказал: «С днем рождения, дочка», и принялся долго и нудно рассказывать о том, какие вокруг тупые обыватели, как он «зашибает деньги», продавая талисманы, на которых они теперь вырезают «уральские руны». Юля представила себе папу с бейсбольной битой, как он стоит, расставив ноги, и размашистыми ударами сбивает на землю низко летящие рубли и копейки: медные, глупые, не подозревающие о засаде. А отец между тем хвастался, что один поэт о нем даже стихи написал. Он прочел стихи, в которых слово «целители» рифмовалось с «народные спасители», а «древние руны и теплые руки» с «не понять близорукой науке». Юля снова провалилась в серую муть, вспомнила, что жизнь бессмысленна и ничего по-настоящему хорошего в ней произойти не может, а есть только более или менее хитрые обманы.

– Всё, папа, мне идти пора, – поспешно и не очень вежливо прервала она отца.

– Нет времени с родителем поговорить? – обиделся тот. – В институт торопишься? А ты спроси у своей матери, что он ей дал, этот институт? Зарплату в сто рублей? Как писатель Аксенов сказал, «быдло бессмысленное». Вот твоя мать и есть быдло! И из тебя быдло хочет сделать!

Юля обиделась за мать и нагрубила отцу. Тот в раздражении бросил трубку, пообещав напоследок «лишить наследства» – видимо, тех самых «зашибленных денег». В институт она всё-таки опоздала, и ехидный преподаватель не упустил случая пройтись по «любительницам ночной жизни», которые просыпаются к полудню. Это было совершенно незаслуженно и после ссоры с папой особенно обидно. Юля заплакала, но молча, изо всех сил тараща глаза и запрокидывая голову, чтобы никто не заметил слез. После института она поехала в турагентство, где подрабатывала оператором ЭВМ, и до вечера вбивала в базы сведения о чужих поездках в далекие экзотические страны – ей тогда все страны представлялись далекими и экзотическими. Она сидела в собственном отдельном «загончике», отгороженном от большого зала картонными ширмами. Здесь можно было поплакать, хотя опять же беззвучно. Юля слизывала соленые слезы и утешала себя тем, что сейчас поедет домой, а по дороге зайдет в маленький ларек рядом с метро, в залоговую библиотеку, где возьмет книжку «Анжелика в Квебеке» и хоть на какое-то время поднимет голову над серым болотом, в которое превратилась ее жизнь. Она ясно видела томик, стоявший на полке рядом со стеклянными стенками ларька, желтый резкий свет, рассеивающий серую мрачную мглу, косо летящие крупные хлопья снега и картинку на обложке: блондинку в алом платье с кринолином и белым кружевным воротником, прижавшуюся спиной к мужчине в голубом камзоле и победно улыбающуюся зрителям. Юлина одногруппница, слегка дебиловатая девица, говорила по поводу таких картинок: «Это – нежность! Это самая настоящая нежность!» Юля знала, что на самом деле картинка слащавая и пошлая, но что поделать, если другого луча света в своем темном царстве она найти не смогла. Те «хорошие умные книги», которые так любила ее мать, насквозь пронизывала грусть и безнадежность.

Сегодня Юля специально задержалась в институте, выстояла длиннющую очередь в кассу, получила стипендию, поэтому деньги у нее были. Только вот книги в ларьке не оказалось. Падали снежинки, кружились над многочисленными ларьками и киосками, горели фонари, спешили по домам прохожие, утаптывая снежную кашу. Всё именно так, как представлялось Юле, только книги не было. Те, что стояли рядом: с зеленым инопланетным чудовищем, пожирающим девушку в бикини, и с мужчиной в черном плаще и темной шляпе, сжимающим в руке револьвер, остались на месте, а «Анжелика в Квебеке» пропала. Точнее, никуда она, разумеется, не пропала, а, как объяснила Юле пожилая киоскерша, кто-то взял почитать, через пару недель вернет.

Ситуация отнюдь не катастрофическая. Можно взять другую книжку, можно доехать на метро до следующей остановки и найти другую залоговую библиотеку. Можно, наконец, просто подождать две недели. Все эти варианты приводили к победе, и все они не имели смысла,

потому что призывали Юлю «еще немного потерпеть»… ради чего? Ради того, чтобы проглотить еще одну порцию «книжного наркотика». Не так уж ей интересно, чем эта Анжелика занималась в Квебеке. Наверняка тем же, что она много раз делала в Париже, по всему побережью Средиземного моря, в Новом Свете и у черта на рогах. Юля прекрасно сознавала, что ее внезапно вспыхнувшая страсть к Анжелике сродни страсти к выпивке или наркотикам – это просто способ занять себя, убить немного времени, чтобы его стало меньше, а потом еще меньше, пока оно не превратится из клубка в нитку, а потом и вовсе не кончится. Но и в этом ей отказано. И этого нужно добиваться, выгрызать у Вселенной. Вся жизнь показалась Юле такой глупой и безнадежной, что она снова заплакала: устало и безнадежно, уже не смущаясь внимательного взгляда бабушки-киоскерши. Пробормотала: «Ничего, спасибо, до свидания» – и побрела, думая, что надо как-то перестать плакать, пока идет до дома, а то мама расстроится.

– Вернись-ка! – окликнула ее бабушка. – Я тебе что-то скажу.

Юля вернулась, просто из вежливости.

– Я твою карточку посмотрела, – продолжала бабушка. – У тебя сегодня день рождения?

– Да. Я ничего, всё в порядке, просто настроение дурацкое.

– Это видно, – радостно сообщила бабушка. – Ну не плачь. Будет тебе от меня подарок. Вообще-то это секрет, но… В доме есть книги, которые не жалко?

– Вроде есть, – ответила удивленная Юля.

– Тогда слушай внимательно. Возьмешь бумажку. Напишешь на ней название той книжки, которую хотела прочитать, и поставишь такой значок, как птичка, – старушка быстро нарисовала на клочке бумаги «галочку».

– И что? – недоумевала Юля.

– Положишь бумажку в ту книгу, с которой не жаль расстаться, и всё вместе засунешь под подушку. Утром увидишь, что будет.

– Хорошо. Обязательно сделаю, большое вам спасибо. Я, пожалуй, пойду, – Юля поспешно отступила от киоска.

«Сколько их в городе, таких тихих сумасшедших, – подумала она. – Не смогли пережить перестройку, понятно. Но хоть плакать перестала, и то хорошо, маме скажу, что от ветра глаза покраснели».

– Добро пожаловать в наш Тайный книжный клуб! – крикнула ей вслед киоскерша.

* * *

Юля вернулась домой. Мама была на работе, но в своей комнате на кровати она оставила кастрюлю гречневой каши, завернутую в одеяло и всё еще чуть теплую. Юля поела, а когда мыла посуду, увидела на полке банку сгущенки и вдруг подумала: «А почему бы не испечь кексик?»

Она отыскала тетрадку, в которой мама записывала рецепты. В холодильнике нашлись яйца и сметана, в шкафу – сода, уксус и мука. Юля быстро замесила тесто, вылила в форму и поставила в духовку. Рядом со сгущенкой обнаружилась банка соленых огурцов. Юля, как в детстве, достала огурец, обмакнула в остатки сгущенки и с аппетитом схрупала. Потом вдруг вспомнила, как маленькой любила облизывать солонки: те, что напоминали граненые бутылочки, закрытые металлической крышкой с дырочкой, через которую сыпалась соль, и однажды в летнем кафе, прежде чем мама успела ее остановить, схватила со стола такую бутылочку и облизала крышку, только та оказалась не солонкой, а перечницей. Припомнив это, Юля расхохоталась и сама удивилась: как давно она не слышала своего смеха.

Потом пришла мама, принесла Юлино любимое печенье курабье. Они пили чай и болтали, и Юля почувствовала, как невидимая теплая и душная серая тяжесть упала с ее плеч.

Перед сном она взяла с полки книгу Достоевского «Идиот» – прошлогодний папин подарок, аккуратно написала на бумажке «Анн и Серж Голон. Анжелика в Квебеке», нарисовала птичку и положила книгу под подушку. «Конечно, ничего не получится, – думала она, засыпая. – Но если я попробую, виновата буду не я, а та сумасшедшая бабушка».

Утром под подушкой лежала другая книга. На обложке не было картинки с «нежностью», а просто тисненый узор из французских королевских лилий и числа 10. Но это оказался тот самый текст, та самая Анжелика в том самом Квебеке. Произошло настоящее чудо. Впрочем, как отметила ошалевшая Юля, оно не нарушало законов сохранения материи. «Идиот» пропал, «Анжелика» появилась.

Юля рассмеялась. Ее не волновало, каким именно образом случилось чудо, хватило понимания, что Мироздание – не равнодушное, не немое, что его можно о чем-то попросить, а оно отзовется. И не важно, что просьба была пустяковой – радовал сам факт, что о ней позаботились. В этом чувстве было что-то религиозное, и, самое приятное, новая религия Юли не требовала от нее ни поступаться совестью, смирившись с жестокостью, которая происходит в мире и объясняя ее «божьим промыслом», ни тратить много времени и сил на соблюдение ритуалов. Она требовала лишь одного – честного обмана и гарантировала лишь одно – что ей всегда будет что почитать, пока она коротает «промежуток между двумя вечностями». Доказательство – вот тут, перед ней. И Юля с благодарностью его приняла.

В тот же день, прямо с утра, она побежала на станцию метро благодарить бабушку-киоскера и, может быть, узнать у нее что-то еще о Тайном книжном клубе. Но киоск был закрыт. А вечером, когда Юля возвращалась домой, там сидел длинноволосый студент, который устроился сюда на работу только сегодня и ничего не знал о своей предшественнице. Старушка исчезла без следа.

* * *

Со студентом у Юли позже даже завязался роман, который так ничем и не кончился. Встречались полгода, разошлись. Но жизнь всё равно постепенно налаживалась. Гайдар отпустил цены, и в магазинах появились продукты. Это случилось после Нового года, и «парень из киоска», которого она называла новым модным словом «бойфренд», купил на радостях целый ящик «Жигулевского» и, напившись, пришел с товарищами к Юле под балкон, вызывать ее, «как Ромео Джульетту». Все еще гуляли после Нового года, и соседи не сильно рассердились на «внезапного Ромео», но Юля, воспользовавшись случаем, обиделась на пьяный дебош и порвала с парнем: он ей надоел.

Вместе с мамой они съездили в Финляндию и на пароме в Швецию. Поездка получилась скомканная, общались в основном со своей же группой, но посмотрели красивые иностранные города, а Юле больше всего запомнились скалы в море, такие мощные и чужие, такие равнодушные к людям, глазевшим на них с палубы парома, и такие прекрасные. Юле хотелось кричать, чтобы прикоснуться к ним хотя бы голосом, чтобы скалы ответили ей хотя бы эхом, но она постеснялась и унесла это желание в своей душе. В тот вечер Юля написала на бумажке «Роман о викингах» и положила под подушку вместе с книгой, которую только что дочитала. Утром там лежал роман Терезы Скотт «Обрученная с мечом». Аннотация гласила: «Юная красавица Уинсом из индейского племени, сама находясь в плену, выхаживает раненого викинга. В знак благодарности Брендон предлагает ей стать его… наложницей». Так Юля поняла, что, во-первых, не обязательно знать точное название, можно просто дать описание, пусть расплывчатое, тебе что-нибудь подберут (кто подберет, она предпочитала не задумываться), и что «тайная библиотека» работает даже посреди Балтийского моря. Мама читала «Кристин, дочь Лавранса».

Юля окончила институт и пошла работать в турагентство. Платили хорошо, в отпуск она часто ездила за границу по дешевым путевкам, исколесила всю Европу, посмотрела «малый туристический набор», потом «расширенный туристический набор», свозила маму во Францию и в Италию. У нее даже появились друзья в разных странах, которые показывали ей места, куда редко забредали туристы. Но всё равно это были лишь кусочки, выхваченные из огромной мозаики. Из этих кусочков можно при желании сложить свою картинку, но это тоже был бы обман. Юля спрашивала себя: если в России смотреть только достопримечательности и злачные места, что узнаешь? Но, с другой стороны, повседневная жизнь, даже в какой-то экзотической стране, – это просто борьба за выживание и воспроизведение, более или менее напряженная, это не то что скучно, но как-то безрадостно. Об этом интересно только читать в романах.

Юля понимала, что для того, чтобы узнать о стране больше, чем написано в туристических брошюрах, нужно прожить в ней несколько лет, а на это у нее не было времени. Да и как выбрать страну? Где жить? Кого узнавать? Юля отказалась от этой мысли и сосредоточилась на карьере. Время благоприятствовало амбициозным и энергичным. Юля поднималась по служебной лестнице, ее зарплата росла. Но в то же время росло и беспокойство. Опять серые тучи начали собираться на горизонте, опять Юля задавала себе вопрос: «Для чего всё это?»

На вопрос ответила мама:

– Замуж тебе, Юлька, пора и ребенка. Вижу, ты созрела.

– Пора, – согласилась Юля.

Густав

«Аня поежилась, кутаясь в тонкую дешевую мантилью. После долгой тряской дороги в рассветном сумраке, когда из серого тумана за окном медленно проступали серые, гладкие и безотрадные равнины, на которых не за что было зацепиться взгляду, кроме разве что изморози на жесткой жухлой траве вдоль дороги, она была готова расплакаться от усталости. Всю дорогу она надеялась, что согреется в вагоне, но, видно, проводник поленился набить ящики под сиденьями горячими углями, к тому же из окна немилосердно дуло. Но Аня всё же сидела, повернувшись к окну, буквально уткнувшись в него носом, потому что сидевший напротив нее пожилой мужчина в котелке и клетчатом пальто бесцеремонно раскуривал страшную вонючую сигару. Ане очень хотелось обратиться к нему с теми же словами, с какими дядюшкин возчик Артем обращался к заупрямившейся лошади, от чего тетя обычно краснела и переходила на французский, но она понимала, что при столь «удачном» начале поездки только скандала в вагоне ей не хватает.

Вторым соседом оказался потрепанный аристократ, очень бледный и одетый как на карикатурах, изображавших светских хлыщей: в белом жилете, во фраке, на который было небрежно накинуто легкое пальто и, что было совсем уж странно, в белых бальных перчатках. Казалось, он убежал, как Золушка, с какого-то полуночного бала, заскочил в вагон и, утомленный, уснул. Сдвинутый на нос цилиндр бросал на бледно-желтое одутловатое лицо резкие тени, и джентльмен казался бы куклой, марионеткой, небрежно брошенной на сиденье отлучившимся кукольником, если бы не с тонким посвистом храп, которым он оглашал купе.

Аня в который раз пожалела, что тетка не пожадничала и не купила ей билет в третий класс: там, сидя в толпе, прижимаясь боками к своим случайным попутчикам, дыша общим, прошедшим через много легких воздухом, хоть как-то можно было согреться. Здесь же приходилось респектабельно околевать от холода.

Тетка даже не встала, чтобы проститься с ней. Велела кухарке разбудить Аню, напоить ее чаем, а кучеру – отвезти на станцию. С глаз долой, из сердца вон. Аня знала: та видела, как ее пытался обнять в буфетной теткин родной сын, двадцатилетний оболтус, которому удивительно шло детское имя Кока – именно Кокой он и был с головы до пят. И плевать, что Аня что есть силы ударила его каблуком по тыльной стороне стопы, так что он взвыл и отскочил, и готова была выцарапать глаза, если он опять сунется. Мысль «Кокочка может жениться на бесприданнице» намертво засела в теткиной голове, и она приняла меры: подыскала через знакомых для своей воспитанницы место гувернантки где-то в богом забытом углу. На Московском вокзале Аню должна была встретить экономка, и уже через два часа им снова нужно было садиться на поезд и снова ехать, теряясь в серой ноябрьской полутьме, растворяясь, словно капля чернил в темной воде, с глаз долой, из сердца вон. Аня не успеет даже дойти до Литейного проспекта, взглянуть на родительский дом. Да и к чему? Он давно продан, там живут совсем другие люди, живут и радуются жизни. И им, верно, дела нет до того, почему десять лет назад прежний владелец квартиры – модный адвокат, делавший блистательную карьеру, вдруг перерезал горло своей молодой красивой жене, а потом застрелился.

Поезд засвистел, нырнул в тоннель, пассажиров окутала тьма, но через минуту он выскочил навстречу восходящему солнцу и покатил, огибая по широкой дуге широкое спокойное озеро, казавшееся в рассветных лучах серовато-розовым, словно платье феи. Марионеточный аристократ вдруг проснулся, заморгал рассеянно глазами, потом вдруг хлопнул себя по лбу, встал и принялся застегивать пальто. Курильщик, напротив, мирно спал, тлеющая сигара, еще зажатая в пальцах, свисала вниз.

Аристократ кончил возиться с пуговицами и вдруг достал из кармана длинный нож, похожий на кавказский кинжал, и прежде чем Аня успела понять, что это не шутка, не

балаган, не спектакль, глухо крякнув, быстро перерезал курильщику горло от уха до уха. Тот забулькал, дернулся и повалился на пол. Онемевшая Аня вжалась в стенку купе. Ей очень хотелось упасть в обморок или хотя бы закрыть глаза, но она боялась отвести взгляд от убийцы, словно это одно могло удержать его на месте. Убийца медленно повернулся, улыбнулся ей и бросил окровавленный нож ей на колени. Потом снял забрызганное кровью пальто и перчатки, открыл окно, впустив порыв свежего холодного утреннего ветра, скатал пальто и перчатки в один комок, выбросил их в окно и вышел из вагона. Поезд снова засвистел и начал сбавлять ход – приближалась станция».

* * *

Густав Гринблат поставил точку, распечатал получившуюся страницу и прочитал ее, помечая цветными маркерами те места, которые вызывали у него сомнения. От этой, очень старомодной, на его взгляд, привычки он не мог да и не хотел избавляться. Она помогала ему сохранить иллюзию того, что он не килобайтник, а творец, пусть не Творец с большой буквы, но всё же и не жалкий раб листажа. Что у него есть время и возможность для размышлений, выброшенных в корзину черновиков и внезапных творческих озарений. Пусть он сам знает, что это всё понарошку. Актеры тоже знают, что страсти, которые они изображают на сцене, – это только фарс и способ выманить деньги у зрителей. И тем не менее говорят о каких-то концепциях, видении роли, контексте и вдохновении. Потому что для человека, который мечтал о творчестве, невыносимо признать себя поденщиком. На это Гринблат был способен только после некоторой дозы алкоголя, ровно такой, какая располагала к самоуничижению. А пока он трезв и работоспособен, он продолжал «играть в писателя», хотя бы с самим собой. И пока его рейтинги высоки и тиражи стабильны, его литагентша смотрела на эти игры сквозь пальцы.

Итак, Анна, или, точнее, Аня. Тезка Карениной, загадочная русская душа. Гринблат поморщился. Будь он в здравом уме и твердой памяти, ему бы в голову не пришло писать роман о времени и людях, которые были ему знакомы только из краткого курса русской классики в университете. Но можно ли считать человека, зарабатывающего на жизнь написанием любовных романов, здравомыслящим? Нет, скорее всего, он чокнутый и сдвинутый, как Мартовский Заяц и Безумный Шляпник одновременно. Густав хмыкнул. К чему приплетать «благородное безумие»? Это Дорис сказала ему, что неплохо бы написать роман о русской девушке по имени Анна и чтобы действие происходило в XIX веке: рейтинги показывают, что после выхода очередной экранизации «Анны Карениной» тема остается популярной.

Первым делом Густав подчеркнул «Московский вокзал» и полез в Интернет проверять. Так и есть! В XIX веке он назывался Николаевским, в честь русского царя, позже был переименован в Октябрьский и только потом – в Московский. Затем подчеркнул «безотрадную равнину». Не слишком ли эмоционально? Написать «серая», «однообразная», и читатель сам поймет? Но вычеркивать рука не поднималась. Собственно, это было единственное искреннее слово во всём тексте. «Безотрадная». Безотрадная скука, безотрадный роман. Право, жаль, что этот кровопивец не прирезал заодно и милую Анюту, всё бы и закончилось. Но нельзя! Никак нельзя. Никто не режет курицу, несущую золотые яйца, даже если саму курицу эти яйца уже достали. Стоп. Что-то меня заносит.

Он подчеркнул голубым маркером повторяющееся слово «серый» в первом абзаце, но вычеркивать не стал. «Серая равнина, проступающая в сером тумане» – это такой образ, как роспись в технике гризайль, а если редактор считает иначе, то пусть и упражняется. С редакторами Густав уже давно не спорил. Хотят гладенький текст, чтобы взгляду не за что было зацепиться, пусть делают его сами. А вот «сидела» и «сидевший» в четвертом предложении – это небрежность. Да еще и «сиденье» в третьем! Густав стер начало четвертого предложения и написал: «Но Аня все же повернулась к окну и буквально уткнулась в него носом»… Потом

подумал еще и поправил концовку: «потому что пожилой мужчина напротив нее, в клетчатом пальто и в котелке, бесцеремонно раскуривал страшную вонючую сигару».

Текст от этого не стал ему больше нравиться. Но вот про холод – это хорошо. С холодом можно поиграть. Сейчас труп найдут, обвинят во всем Аню, посадят ее в камеру, где тоже будет холод, потом вызовут на допрос, а потом придет адвокат и из милосердия отдаст ей свое пальто, и она наконец согреется. А дальше? А дальше снова пошлость, сидящая на пошлости, – прервал себя Густав. И нечего пыжиться, из дешевого любовного романа не вырастет вторая Анна Каренина. Толстой, по крайней мере, мог бросить свою героиню под поезд! Он классик, ему можно. А ты изволь написать свадьбу и эротическую сцену в финале! Словно галерный раб, право слово!

Но тут Густав вспомнил, что сегодня в журнале «Дамский угодник» должна выйти рецензия на его новый роман: Дороти вчера специально звонила, чтобы предупредить. Отлично! Прогуляется, почитает рецензию, позлорадствует над идиотом-рецензентом, глядишь, настроение и улучшится.

* * *

На пороге своего дома Густав остановился и на мгновение зажмурился от яркого солнца. Был ясный июньский день, остро, свежо пахло только что раскрывшимися тополиными листьями. И сразу же хандры как не бывало. «А что, если устроить путешествие вглубь?» – пришло ему в голову.

Идею таких путешествий он почерпнул у британца Алена де Боттона, а тот, в свою очередь, – у француза Ксавье де Местра: в этом одна из прелестей литературы: идеи подобны мячу, которым можно перебрасываться через века и континенты. Или, скорее, они похожи на китайского дракона, составленного из целой вереницы людей, одетых в один костюм и движущихся слаженно, так что дракон извивается и потрясает хвостом, как живой. Ксавье де Местр описал путешествие по своей комнате, в конце которого он подходит к окну и застывает в восхищении, глядя на закат и думая о величии Божьем. Ален не достиг таких высот солипсизма, для «путешествия вглубь» ему понадобился родной квартал, где он жил с детства, всё знал назубок. Взглянуть на него глазами приезжего, человека, который здесь впервые и скоро покинет это место навсегда, оказалось необыкновенно интересно. Густав, прочитав эту главу в книге де Боттона «Искусство путешествий», сделал себе мысленную заметку устроить нечто подобное, но всё время забывал и вспоминал о своих планах, только вернувшись домой. Сегодня же нужная мысль пришла вовремя. Густав снова закрыл глаза, вдохнул запах тополей, подумал: «В этих маленьких провинциальных городках, должно быть, есть своя прелесть. Хизерфолл – какое оригинальное название», – потом открыл глаза и начал путешествие.

Он шел по Садовому бульвару: название он узнал из таблички, висевшей на дверях его собственного дома, и с любопытством рассматривал особняки вдоль улицы. Это была окраина города, но район дорогой застройки, поэтому дома в стиле модерн, неоготическом или георгианском утопали в садах. Время пышных клумб еще не пришло, но черемуха, яблони, вишни, а кое-где и сирень стояли в цвету и щедро одаряли ароматами всех проходивших по улице. Садовые гномы смотрели так умильно, что Густаву хотелось помахать им рукой. Он дошел до конца бульвара и свернул на Вересковый проспект, который, выходя из города, превращался в шоссе и, попетляв немного среди холмов, выводил к водопаду, давшему название городу. Когда Густав в первый раз приехал в Хизерфолл, он съездил к водопаду и даже искупался в котловине под ним. Ему запомнилась чистая, пронзительно холодная, бодрящая вода, в которой плавали узкие быстрые рыбки. Их чешуя была того же оттенка, что и вода, поэтому он видел только серые тени, которые проносились по дну на мелководье, а самих рыбок удавалось разглядеть, лишь когда они на мгновение замирали, борясь со встречным потоком. С тех пор

Густав всё думал, что надо бы повторить поездку, но у него никак не находилось времени, и в летнюю жару он купался в городском бассейне в пятнадцати минутах ходьбы от дома.

Другим концом Вересковый проспект упирался в центр города: площадь, где стояли ратуша, городской музей и гостиница «У водопада» – старинный добротный дом в палладианском стиле. Застройка на проспекте была многоэтажной: вдоль проезжей части протянулись серые однообразные строения, их несколько оживляли разноцветные тенты над летними кафе и ресторанами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.